

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

З.Х. Саралиева., С.С. Балабанов

Вхождение в Болонский процесс стало фактом жизни российских вузов. Научно-педагогической общественностью обсуждаются и предлагаются пути дальнейшей интеграции в европейское образовательное пространство, меры по сохранению того лучшего, что есть в российской системе высшего образования.

Высшей школе России, как, впрочем, и всей стране, в начале XXI века «выпало счастье» жить в эпоху больших перемен. Одна из них – присоединение отечественной системы высшего образования к Болонскому процессу, который официально ознаменовался фактом подписания министром образования и науки РФ Болонской декларации в сентябре 2003 г. Но еще раньше в вузах России стала вводиться многоуровневая гибкая система подготовки бакалавров и магистров по стандартам второго поколения, введенным с 1 сентября 2000 года. Сегодня уже не идет речи о том, входить или не входить отечественной высшей школе в Болонский процесс. Акцент смещается в плоскость использования преимуществ и европейской системы высшего образования при сохранении позитивного отечественного опыта, который, безусловно, есть в российском высшем образовании.

Не без основания полагая, что большинство преподавателей высшей школы хорошо представляют себе суть и содержание этого процесса, остановимся на отношении к нему научно-педагогического сообщества. Сотрудники высшей школы – вольные или невольные участники этого процесса, именно им предстоит своими руками перестраивать отечественную систему высшего образования.

Любое серьезное изменение сложившихся норм и практик в больших организациях конфликтогенно по определению, поэтому оживленные дискуссии и ожесточенные споры по поводу платы за вхождение в европейское образовательное пространство не утихают, в то время как «процесс уже пошел». Позиции преподавателей высшей школы в отношении Болонского процесса имеют прямое отношение к ходу реформ и успешности интеграции с европейской системой высшего образования. Позитивное отношение определяет активное и заинтересованное участие профессорско-преподавательского корпуса в преобразовании российских вузов, способствует успешному решению поставленных задач, нейтральное обязывает выполнять роль статистов, от которых ничего не зависит, негативное отношение связывается с сопротивлением нововведениям, их торможением, а порою изменением до неузнаваемости.

По данным Всероссийского опроса экспертов – большей частью ведущих вузовских социологов – и проведения фокус-групп в трех университетах России в конце 2004 г. можно составить представление о том, какие, по их мнению, приобретения и потери ожидают отечественную высшую школу при перестройке высшей школы, что научно-педагогическое сообщество рекомендует лицам, принимающим решения на верхних этажах власти, предпринимать для максимизации первых и минимизации вторых. Характерная прямая речь участников фокус-групп и фразы из анкетного опроса экспертов выделены петитом. Эти выдержки передают накал страстей при обсуждении будущности российской науки и высшей школы.

Практически любое новшество сначала встречает сопротивление большинства заинтересованных лиц, далее в процессе дискуссий проясняются многие важные

аспекты предлагаемых новаций, общественное мнение может измениться и скорректироваться под влиянием всестороннего обсуждения и убедительных аргументов pro et contra. Собственно говоря, подготовка управленческих решений в демократическом обществе предполагает демократические процедуры предварительного обсуждения проектов судьбоносных решений. Такое положение сегодня наблюдается с идеей и практикой присоединения нашей страны к Болонскому процессу. Ниже приводится спектр мнений, суждений, аргументов, оценок интеграции России в европейское образовательное пространство.

Болонский процесс, поскольку он осуществляется на базе европейских университетов, естественным образом исходит из предпосылки интегрированности образования и науки в единое и неразрывное целое.

В принципе, если говорить только об этом, то ничего страшного нет. На Западе устоявшаяся система сочетания университетов с научными исследованиями, и в этом аспекте мы могли бы взять с них пример. У нас некоторые НИИ интегрированы в структуру университетов и благодаря этому свободнее используют молодых специалистов и студентов, и сами наши сотрудники преподают. Но все это довольно сильно отличается от нынешнего положения у нас в России, и при переходе на новую систему мы, безусловно, должны будем поломать ту структуру, которая многими годами у нас отработывалась и, что говорить, хорошо себя показала.

Первое направление дискуссий – отечественная система не хуже западной и ее надо совершенствовать. Сама постановка вопроса предполагает, что западная модель – это идеал, к которому надо стремиться. Но разве это так на самом деле? С чего взяли, что для России западная модель наиболее пригодна? Наша национальная система образования по многим параметрам лучше европейской. Эта точка зрения льстит самолюбию россиян, но отражает ли она действительность? «Разговоры о «лучшем в мире отечественном образовании», когда речь идет о современной, а не советской образовательной системе, не имеют под собой никаких оснований, – полагают В. Сенашенко и Г. Ткач... Если бы дело обстояло именно так, если бы наше образование было действительно «лучшим в мире», наша страна вряд ли бы оказалась во многом на задворках современной цивилизации, став главным образом поставщиком сырьевых ресурсов на мировом рынке!» [1, с. 17]

Болонский процесс – это не подарок. В некотором смысле – троянский конь, но главные виновники этого процесса – мы сами, то есть кто-то спешит и кто-то старается идти впереди, то ли потому, что гранты, то ли взятки чиновники получают и т.п. На самом деле многие европейские страны вовсе не стремятся походить на Францию или Великобританию. Например, Италия и Испания не собираются стать Францией по образованию. Они пытаются сохранить свою систему, и речь идет только о сопоставимости уровней образования, но мы-то стремимся СОВСЕМ перейти на западную систему. И кто виноват в этом – западные страны или мы? С этого и надо начинать.

Переход на организацию высшего образования по западному образцу затронет не только сферу подготовки кадров, но и сферу их использования. Переход на поэтапную подготовку кадров приведет к тому, что *благодаря разделению на бакалавриат и магистратуру и тому факту, что магистратура будет составлять небольшой процент в выпуске специалистов, вуз уподобится по уровню подготовки техникумам. Бакалавры-инженеры у нас будут работать не*

инженерами, а техниками, те, кто учился на врача, выйдут фактически медсестрами и т.д. Специалисты с таким уровнем образования нужны в составе рабочих, персонала средней квалификации, но они не найдут себе места в обществе, основанном на знаниях. Нужна ли нам эта ломка, вот вопрос, но поскольку документы уже подписаны, то нас никто не спрашивает. Во имя унификации с западной системой образования мы обязались своими руками разрушить в общем-то неплохую образовательную систему.

Преподаватели в технических вузах страны с болью воспринимают эти реформы, пытаются сохранить научные школы, учеников. *Похоже, что желание слиться с Западом, подстроиться под него – это самоцель реформаторов, и ради этого они не пожалеют отечественную систему высшего профессионального образования.*

Часть экспертов усматривает в процессе вхождения российской высшей школы в европейское образовательное пространство «руку Запада». *Такие схемы реформирования науки и образования нам навязываются не столько «шустрыми товарищами» из Минобрнауки, а Западом, потому что все условия вступления в западную цивилизацию обставляются всякими убирающими конкуренцию с Западом мотивами. И то же самое происходит в системе образования. Сейчас Запад взялся за реформирование российской науки и образования. Это просто передел собственности, и все. Сократив в 10 раз количество учреждений, эти «товарищи» станут собственниками всей инфраструктуры, которая высвободится, и это есть ключевой мотив.*

Характерное свойство ученого – все подвергать сомнению, верить не словам, а делам; по полученным результатам делать выводы. *Мы с 90-х годов рвемся в объединенную Европу, но нас туда не пускали. Первый раз дверь приоткрыли чуть-чуть, когда речь зашла об интеграции европейской системы образования, в этот интеграционный процесс мы протиснулись, туда ломимся и в этом смысле в максимально возможной степени показываем свою лояльность и поэтому выслуживаемся. Поэтому действительно стоим на коленях. Но здесь политическая установка и традиционная роль власти и властных отношений в России. Самое интересное, что для Болонской декларации важно признание образования, а не дословное соответствие ему. У них так и прописано. И то, что наше правительство стоит на коленях и трактует это в буквальном смысле – это совершенно не соответствует идеологии Болонского процесса.*

Реформа, предполагающая слом работающей системы, – очень серьезное и ответственное дело, это нужно сто раз обдумать. Нужна серьезная ревизия с привлечением заинтересованных специалистов, умеющих мыслить системно и целостно с учетом политических и экономических интересов НАШЕЙ страны. *Сейчас довольно смутная картина аттестации, лицензирования, так что большая часть этого документа, как считают ряд участников фокус-групп, пока неприменима в наших условиях. Тем не менее данное обстоятельство не является препятствием для реформаторов. Скорее всего, нас (научно-педагогическое сообщество) власти изнасилуют, как это принято в наших российских традициях, заставят делать то, с чем не все согласны, и мы снова смиренно пойдём в заданном направлении, а наше мнение будет учтено в минимальной степени.*

Не следует, однако, думать, что разногласия по поводу вхождения в Болонский процесс идут по оси противостояния «чиновники от науки и образования – научно-педагогическое сообщество». Последнее внутренне

неоднородно и приведенные выше выдержки из интервью разделяют далеко не все участники дискуссий на эту тему. Табл. 1 иллюстрирует разброс оценок экспертного сообщества в понятиях «полезно-вредно» по отдельным направлениям реформирования отечественной высшей школы в рамках положений Болонского процесса. Как видим, стрелка барометра настроений экспертов указывает на полезность вхождения в Болонский процесс вузов России. Минимальна поддержка введения двухуровневой системы высшего образования. Всего 39% опрошенных – «за», среди них «за» всего 27% экспертов из области естественных наук и 23% – преподавателей технических специальностей, но более половины представителей социальных наук. По всем другим положениям декларации силы поддержки существенно выше.

Таблица 1

**Оценка вреда/пользы положений Болонской декларации
для российского университетского образования, %**

Положения Болонской декларации	Вредно	Трудно сказать	Полезно
Введение двухуровневой системы: бакалавр, магистр	33	28	39
Введение системы взаимного признания зачетных единиц ECTS	15	23	62
Создание системы сертификации, оценки качества университетского образования	11	18	71
Поощрение обучения студентов за рубежом	11	31	58
Поддержка зарубежных контактов и работы преподавателей в зарубежных университетах	2	22	76
Европейская система аттестация научных кадров (PhD)	54	19	27

Введение системы взаимного признания зачетных единиц ECTS встречает значительно меньше сопротивления, поскольку большинство экспертов понимают, что мобильность студентов и преподавателей, вообще интеграция в европейское образовательное пространство крайне затруднена без такой системы. Убеждены в полезности этой системы две трети опрошенных. Любопытно, однако, что ни в фокус-группах, ни в анкетных опросах тема признания зачетных единиц практически не обсуждалась. Возможно, что эксперты считали этот предмет чисто техническим мероприятием или имели весьма ограниченную информацию о такой системе, а потому и не считали возможным для себя поднимать вопрос, в котором они некомпетентны.

Создание системы оценки качества университетского образования – традиционный и вечно актуальный вопрос для образовательных систем. И он обсуждался даже не в связи с Болонским процессом, а в связи с большой потребностью в такой системе для вузов России. Это необходимо и прежде всего для руководителей вузов и самих преподавателей. «Сегодня они вообще без контроля со стороны студентов». 71% опрошенных полагают, что присоединение к Болонскому процессу облегчит сопоставимость и качество подготовки специалистов не только в каждом вузе, но и по национальным образовательным системам. Такая достоверная и оперативная управленческая информация дорого стоит. Тем не менее, глядя вперед, эксперты видят такие подводные камни. *Международную сертификацию смогут пройти только столичные вузы, да и то только по ряду специальностей. И дело здесь не только в нехватке учебных площадей, библиотечных фондов и компьютерной базы. Наши программы, в*

большинстве случаев, обладают своей региональной и национальной спецификой, читаются одним, а не целым десятком преподавателей, более фундаментальны и систематизированы. Почему все это нужно разрушать вместо соединения безусловных существующих плюсов с расширением возможностей и освоением новых технологий?

Знакомство с опытом сертификации и оценки качества в западных университетах приводит к выводу о том, что эта система не может быть перенесена на российскую почву. Это связано, скажем, с низкой компьютеризацией учебного процесса в наших вузах. Надо действительно разбираться индивидуально с вузами, которые у нас есть. Ряд вузов уже не отвечают уровню современных требований, может быть даже ставить вопрос о закрытии, но нет уверенности, что эти высвобожденные средства перейдут к другим вузам. При нынешнем финансовом положении мы не в состоянии содержать столько же высших учебных заведений, как в США. Может быть, требуется точечная концентрация в городах, может быть, надо прислушаться к мнению регионов, тут нужно выработать политику.

Следует обратить внимание на острую потребность в объективной системе оценки качества университетского образования у экспертов из провинциальных вузов страны. Дифференцированность образовательного уровня в регионах и центре делает эту проблему ключевой. Для гуманитарного направления – это решающий фактор повышения квалификации преподавателя. Появилось много вузов, у которых квалификация не очень высокая, их надо аттестовать. Эта задача является одной из самых приоритетных задач современного высшего образования в России. Это надо, поскольку сейчас в России настоящей системы оценки качества образования нет. Вот это необходимо, и прежде всего для руководителей вузов и самих преподавателей. Сегодня они вообще без контроля со стороны студентов.

Не на «ура!» встречена экспертами идея поощрения обучения студентов за рубежом. По-видимому, возможный отток российских студентов (вместе с деньгами, необходимыми для отечественной высшей школы) заставляет некоторых из них не столь безоговорочно поддерживать эту идею. Скорее всего, многие, если не большинство университетов России, в сложившейся ситуации не ожидают мощного потока иностранных студентов в свои вузы, тем более превышения притока студентов из других стран над оттоком своих студентов и абитуриентов из района комплектования студенческих контингентов.

Есть опасение «утечки умов, лучших студентов». Тем не менее эксперты признают, что поощрение студентов образовательными поездками в университеты Европы нужно для расширения их знаний и кругозора, для критического отношения к слабым сторонам российских вузов, для распространения позитивных практик зарубежных университетов в России. Положительный момент не столько в повышении качества подготовки специалистов, а в укреплении доверия между странами на уровне личных контактов. Знакомство и обучение в других вузах существенно ускоряет внедрение инноваций. Позволит установить международное сотрудничество.

Те, кто хотят, ездят и сейчас. Все(?) возможности есть. Форсировать же конвейерность утечки обученных в России наиболее продвинутых специалистов, выбирающих более высокий уровень жизни и оплаты труда, – дело, безусловно, «государственное» – язвительно комментирует это положение один из участников опроса.

Мобильность не должна быть нормой при организации учебного процесса. Мобильность возможна не для всех и только после прохождения фундаментальной подготовки, т.е. после 3 лет обучения студентов (в зависимости от специальности и специфики подготовки).

Наивысшую и почти безоговорочную поддержку экспертов встретило предложение усиления контактов и работы преподавателей в зарубежных университетах. Международные контакты преподавателей и студентов – важнейшее условие и результат интеграции отечественной высшей школы в европейское образовательное пространство. «Ложка дегтя в бочке меда» состоит в том, что новые возможности, по мнению ряда экспертов, откроются для преподавателей из ограниченного числа вузов, в первую очередь столичных.

Как и следовало ожидать, «европоцентризм» особенно заметен среди экспертов – представителей социогуманитарного знания – у них наивысшая, часто безоговорочная поддержка всех положений Болонской декларации. Самое настороженное отношение – у специалистов технических наук.

Вопрос о переходе на европейскую систему аттестации научных кадров вызвал болезненную реакцию респондентов. 54% экспертов назвали ее опасной и вредной для функционирования российского научного сообщества, 19% видят в равной степени плюсы и минусы возможного перехода, но находятся в положении бифуркации, проще, буриданова осла, не зная, в какую сторону качнутся, 27% опрошенных считают переход на европейскую систему полезной мерой интеграции в мировое сообщество.

Если рассматривать позиции экспертов по дисциплинарному параметру, то переход на европейскую систему аттестации на PhD поддерживают треть гуманитариев и естественников, всего 9% представителей технических наук. В Москве – треть экспертов, в провинциальных университетах – вдвое меньше (16%). В заочной дискуссии экспертов на эту тему практически не прозвучало ни одного(!) аргумента за преимущество европейской системы аттестации научных кадров над отечественной. *Степень «доктора философии» не является специализированной и глубокой по содержанию. Две ступени позволят более четко разделять уровни научной работы. Одна ступень – доктора превратит все диссертации в кандидатские. Смысла дальнейшего научного роста не будет. В целом уровень науки упадет. Не следует ломать сложившихся национальных традиций. Нужно уважать сложившиеся национальные традиции и особенности, предъявляющие повышенные уровни академических требований, а не рядиться в навязываемый ширпотреб, отвергаемый, кстати, целым рядом европейских университетских систем, включая Германию.*

Даже среди сторонников перехода на западную систему аттестации предложение сломать отечественную систему аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации и перейти на европейскую систему вызвано фактически только одним: ее слом – необходимая плата за интеграцию в европейское образовательное пространство. *Должен быть единый мировой стандарт. Возможно, это приведет к признанию наших сотрудников на Западе. Если мировое сообщество не выбрало нашу систему, то для интеграции мы должны выбрать европейскую. При современном «стимулировании» кандидатов и докторов наук, может, лучше перейти на PhD. Но, может быть, государство изменит свое отношение к ученым степеням?*

Более того, как нам представляется, материалы исследования отражают мнение о приоритете именно национальных особенностей функционирования

образовательной системы в плане аттестации кадров высшей квалификации над общеевропейской. Так что формальное требование унификации побеждает у этих экспертов ценность действующей системы подготовки кадров высшей квалификации. Но даже у немногочисленных апологетов перехода на европейскую систему аттестации сам переход порою обусловлен рядом разумных предложений, направленных на повышение уровня кандидатских диссертаций.

Обратим внимание на тот факт, что безотносительно к Болонскому процессу в российском научно-педагогическом сообществе активно и порой очень жестко критикуется существующая ныне в России практика подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации и их аттестации, обсуждаются меры по совершенствованию процесса воспроизводства кандидатов и докторов наук. Но, как оказалось, все познается в сравнении. Мы, по крайней мере, не встречали в научных публикациях на эту тему предложений заимствовать что-либо из европейской системы аттестации научных кадров в отечественной системе. Напротив, ряд экспертов в разных концах страны, будто сговорившись, предлагают западному миру перейти на российскую двухступенчатую систему кадров высшей квалификации.

Но фоне негатива, критики и самокритики, высказываемой в последние годы в адрес отечественной высшей школы, приятно было слышать и видеть, как эксперты защищают то ценное, что в ней выдержало испытание временем и не кажется архаичным, непригодным в настоящее время: *российская система одна из лучших в мире! Отечественная система (кандидат – доктор) является более дифференцированной и продвинутой по сравнению с европейской и американской. PhD – вообще не ученая степень. Российская система более структурирована. Не надо упрощать.*

Подготовка докторской диссертации по техническим проблемам – это прорыв в науке. Дистанция между кандидатской и докторской степенями мобилизует и поощряет научную работу. Двухуровневая система аттестации научных кадров – многовековая российская традиция и внутреннее дело России. В этой ситуации следует подумать о поднятии уровня кандидатских диссертаций, доведя их до уровня PhD. Другое противоположное мнение: *степень PhD значительно ниже, чем кандидатская степень в России, а на доктора наук выучиться нельзя, им можно только стать самому. Считаю, что наша структура (кандидат – доктор) лучше. Их PhD слабее наших докторов наук, а то и кандидатов.*

В фокус-группах было высказано, как нам представляется, разумное предложение следующего рода: надо просто внутри страны прояснить ситуацию с признанием степеней PhD, полученных за рубежом. *Признать их на уровне кандидатских – и закрыть вопрос. Степень доктора остается в национальной науке и системе образования и продолжает служить мощным стимулом повышения научной квалификации, карьерного роста.* Есть ощущение, что российской системе образования не грозит наплыв иностранных PhD, которые могли бы составить конкуренцию российским кандидатам наук на рынке высококвалифицированного научно-педагогического труда.

Возвращаясь к началу статьи, можно сказать, что если истоки Болонского процесса можно легко отыскать, то конца ему не будет. В том смысле, что совершенствование и адаптация национальных систем будет идти постоянно и непрерывно. Думается, что мнение научно-педагогического сообщества органам

управления российским образованием надо не только услышать, но и учитывать в реформировании науки и образования.

Л и т е р а т у р а

1. Сенашенко В., Ткач Г. О ходе интеграции российской системы образования в европейское образовательное пространство // Вестник высшей школы.– 2004. – № 7.

Entering the Bologna process has become a reality for Russian institutions of higher education. The academic community is discussing and proposing the ways of further integration into European educational sphere and measures of preserving the best achievements of the Russian system of higher education.